

Замятина Елена Викторовна

**ФИЛОСОФСКИЕ ПОВЕСТИ И. В. КИРЕЕВСКОГО И Е. А. БАРАТЫНСКОГО: ЭЛЕМЕНТЫ
ФАНТАСТИКИ И САДОВО-ПАРКОВАЯ ОБРАЗНОСТЬ**

В статье садово-парковый топос рассматривается как значимый элемент поэтики фантастической философской повести 1830-х гг., отражающий авторскую концепцию двоemiрия. Анализируется семантика образа парка в сказке-аллегии И. В. Киреевского "Опал", объединяющего реальный мир с миром истины, и сад в повести Е. А. Баратынского "Перстень", являющийся отражением материального трансформирующего в духовное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 72-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**LINGUO-SYNERGETIC POTENTIAL OF FUNCTIONAL PARADIGM
OF AMERICAN FINE ART WORKS NAMES OF THE XXTH-XXIST CENTURIES**

Efremova Tat'yana Valentinovna
Khar'kovskaya Antonina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Professor
Samara State University
aax2009@mail.ru; tata_fmnn@mail.ru

The article analyzes the corpus of American authors' fine art works names in terms of linguo-synergetic markers with the purpose to reveal the main trends typical of the nomination processes in small-format texts that accompany the works of fine art. The article is devoted to the peculiarities of the functional paradigm of the American painting works names, and considers the dynamics of impact function from the perspective of modern developments in the sphere of functional linguo-synergetic.

Key words and phrases: linguo-synergetics; nomination; attractor, small-format text; functional paradigm.

УДК 882-32

Филологические науки

В статье садово-парковый топос рассматривается как значимый элемент поэтики фантастической философской повести 1830-х гг., отражающий авторскую концепцию двоемирия. Анализируется семантика образа парка в сказке-аллегии И. В. Киреевского «Опал», объединяющего реальный мир с миром истины, и сад в повести Е. А. Баратынского «Перстень», являющийся отражением материального трансформирующего в духовное.

Ключевые слова и фразы: топос сада; художественное пространство; фантастическая повесть; двоемирие; символизм.

Замятина Елена Викторовна, к. филол. н.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
evz_t@mail.ru

**ФИЛОСОФСКИЕ ПОВЕСТИ И. В. КИРЕЕВСКОГО И Е. А. БАРАТЫНСКОГО:
ЭЛЕМЕНТЫ ФАНТАСТИКИ И САДОВО-ПАРКОВАЯ ОБРАЗНОСТЬ[©]**

Фантастические образы и «таинственный колорит» являются важным смыслообразующим компонентом философской прозы 1830-х гг. Фантастика в произведениях таких писателей, как И. В. Киреевский, Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский служит особой формой выражения авторской мысли.

В 1830-1831 гг. были созданы сказка-аллегория И. В. Киреевского «Опал» и повесть Е. А. Баратынского «Перстень». По наблюдению А. А. Карпова, они «связаны единством темы и конфликта («жизнь в мечте» и возвращение к реальности), рядом характерных мотивов (сна, кольца-талисмана), сюжетных ситуаций (передача перстня возлюбленной оборачивается ее утратой) и проч. На фоне «сказки» Киреевского выразительно звучит и сама фамилия героя – «Перстень» Опальского, подчеркивающая соотнесенность обоих произведений и в то же время имеющая значимый характер (именно восприятие опала как магического камня, опасного камня обмана, несчастья, мизантропии). При этом в трактовке ключевых для эпохи мировоззренческих и эстетических проблем произведения Баратынского и Киреевского во многом различны <...>» [3, с. 178].

В повестях, обладающих внешним сходством, ключевые образы-символы камня и кольца выражают разный комплекс идей и различные картины мира. Если «опал» Киреевского является принадлежностью внеземного мира, несет философский и магический смысл, то «перстень» Баратынского – реальная вещь, в символике которой «отсутствует символическо-аллегорический план выражения, характерный для прозы любомудров» [2, с. 70]. Таким образом, представленная в произведениях проблема двоемирия находит разное решение.

Садово-парковые коды повестей также различны и отражают ключевые идеи как произведения Киреевского, так и Баратынского.

В «сказке» Киреевского на первый план выходит *концепция мечты*. Истиной, «лучшим, что есть в мире» [4, с. 163], является призрачный, непостижимый, загадочный мир фантазии, способный отразиться лишь во внутреннем мире человека, он противопоставлен реальному миру (миру суеты, земных благ, где герой дорожил «властью, богатством и славой») [Там же].

Садово-парковый топос становится у Киреевского выражением данного мира мечты. Прекрасные картины великолепного парка возникают в воображении героя, когда он преодолевает времена и пространства и оказывается на другой планете:

«Там ослепительные беседки из разноцветных кристаллов. Там роща, и прохладная тень ее исполнена самого нежного, самого упоительного благоухания. Там бьет фонтан вином кипучим и ярким. Там светлая река тихо плескается о зеленые берега свои, но в этом плесканье, в этом говоре волн есть что-то разумное, что-то понятное

без слов, какой-то мудреный рассказ о несбыточном, но бывалом, какая-то сказка, волшебная и заманчивая. Вместо ветра здесь веяла музыка; вместо солнца здесь светил сам воздух. Вместо облаков летали прозрачные образы богов и людей; как будто снятые волшебным железом с картины какого-нибудь великого мастера, они, легкие, вздымались до неба и, плавая в стройных движениях, купались в воздухе» [Там же, с. 157-158].

Здесь реальное (например, беседка) становится нереальным (беседка из кристаллов, фонтан вина), логическое (наличие в парке фонтана, реки, роши, неба, солнца и облаков и др.) смешивается с фантастическим (фонтан «бьет» вином, вместо ветра веет музыка, вместо солнца светит воздух, вместо облаков летают «образы богов и людей»); боги, люди, культурные образы становятся элементами одной картины.

Главный закон этого топоса – перевоплощение материального в духовное, реального в фантастическое, трансформация реального и космического в единое целое.

Картина парка наполнена *гидронимическими образами*, которые с наибольшей силой передают семантику видоизменения, потока, переносят читателя из реального в идеальный мир.

В начале картины мы видим пространство земли и расположенный здесь фонтан, наполненный не водой, прозрачной, летящей, а вином, ярким и кипящим. Фонтан (символ источника жизни и бессмертия, очищения) трансформируется в образ вина (откровения, истины).

Связанный символически и с силой слова, красноречием, парковый топос фонтана, переключенный на образ яркого вина, вновь сменяется образом светлой реки, обладающей даром говорить, рассказывать.

Далее водная стихия появляется в пространстве неба. Гидронимические образы сливаются с *небесными*. Облака, символ связи с Богом, наделяются и семантикой полета, высоты (вздымались до неба) и удваивают значение божественности, сливаясь непосредственно с образами богов. Кроме этого, они включают коды живописи как искусства «великого мастера» и людей, запечатленных этим мастером. То есть и Бог, и Человек представлены здесь как Творцы. Образ-код «творца истины» находится в нерасторжимой связи с водными кодами, искусством слова.

Таким образом, парк, представленный И. В. Киреевским в сказке-аллегии «Опал», находится в двух пространствах: неба и земли, которые слиты. Здесь, в другом измерении садово-паркового пространства и времени, автор сопрягает космическое, природное и мир человека в некий универсум. Объединяющими звеньями служат образы, обладающие семантикой изменения, откровения/истины, творчества.

Топос парка, представленный в повести «Опал» И. В. Киреевского, предвосхищает по своему глубинному символическому-философскому и образному наполнению картину сада, созданную В. Ф. Одоевским в повести «Сильфида» (1836), в которой перед читателями через откровение раскрывается акт рождения истины.

В повести Е. А. Баратынского также происходит столкновение двух миров – обыденного реального и потустороннего, сказочного. *Но садовый топос характеризует полноту мира реального (для мира фантазий характерен топос леса – мрачного и глухого).*

Садовые образы являются частью образа «поместье», передают семантику материального достатка, благополучия, наличия средств и возможностей, связаны с «доступом ко всем наслаждениям жизни» [1, с. 187-188]. Сад характеризуется эпитетами «великолепный», «прекрасный», которые должны характеризовать богатую и полную жизнь владельца поместья, главного героя, богатого помещика Опальского.

Но топосы поместья, дома и сада в повести сменяются пространственными образами леса и хижины, и образ Опальского переходит в другой план, план таинственной жизни, загадки.

Также садовые образы возникают в повести при описании улучшения *материального состояния* помещика Дубровина: «Вскоре поднялся *красивый, светлый домик*, в который Дубровин перешел со своим семейством. Не буду рассказывать, по какому именно поводу Опальский помог ему *развести сад, запастись тем и другим*: дело в том, что каждое желание Дубровина было тот же час исполнено» [Там же, с. 191].

Образ сада, соседствующий с хозяйственными, бытовыми, практичными «запасами», *противопоставлен образу таинственного перстня*: все благополучие, которое получает Дубровин, источником своим имеет таинственный перстень, связанный с тайной Опальского. Образ перстня отражает существование еще одного пространства, другой реальности. Другой мир – мир сознания Опальского – наполнен духами, бесами, ведьмами и демонами, колдовством, неведомыми силами, магическими фигурами, волшебными чертежами, таинственными знаками, влекущими тенями, мраком. Здесь дрожит земля, летают и кружатся яркие огни, совершаются страшные обряды, и миром правит магический перстень.

В финале повести происходит утверждение мира реального (выясняется, что Опальский – душевнобольной человек, и в финале повести он умирает, оставляя наследство, которое делят между собой Дубровин и бедная девушка Дашенька, влюбленная в одного молодого человека, но без наследства не имевшая возможности составить семейное счастье). Заканчивается повесть словами: «Дашенька вышла замуж по выбору сердца и поселилась в соседстве Дубровиных. Оба семейства не забывают Опальского, ежегодно совершают по нем панихиду и молят Бога помиловать душу их благодетеля» [Там же, с. 198].

В повести Баратынского два мира – реальный и воображаемый – не противоречат друг другу, не мешают, а, наоборот, взаимно дополняются, взаимно «поддерживаются». Безумные мысли и стремления Опальского приводят к счастью двух семейств, которые не забывают его после смерти и вспоминают с почтением и благодарностью. «Автор переносит акцент с магической тайны перстня (т.е. результата событий) на способ постижения жизни, традиционный мотив становится средством обнаружения динамики разных типов сознания. В этом философская проза Баратынского близка исканиям Пушкина» [2, с. 71], – указывает А. Э. Еремеев.

Садовый топос в повести раскрывает полноту и достаток жизни настоящей, а миры фантастические связаны, в первую очередь, с топосами леса, хижины и образом перстня.

Следовательно, садово-парковый тоpos в произведениях Киреевского и Баратынского обладает различной функциональной нагрузкой. В «сказке» Киреевского возникает образ волшебного парка, где реальные парковые компоненты трансформируются в сказочные образы, а предметы и понятия перетекают друг в друга. Слияние природного и фантастического постоянно переключает читателя из одного «смыслового плана» в другой, придает картине динамизм, выражает авторскую концепцию мечты. В повести «Опал» парковые образы передают философско-мистические представления о двух мирах, слитых воедино силою слова, мысли, творчества. В повести Баратынского садовый тоpos также выражает авторскую концепцию: здесь происходит утверждение земного существования человека, наполненного смыслом и нравственными ценностями.

Список литературы

1. **Баратынский Е. А.** Полное собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1915. Т. 2. 360 с.
2. **Еремеев А. Э. И. В.** Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820-1830): монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 171 с.
3. **Карпов А. А.** «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина» // Концепция и смысл: сб. статей в честь 60-летия В. М. Марковича. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 171-185.
4. **Киреевский И. В.** Полное собрание сочинений: в 2-х т. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. Т. 2. 302 с.

**PHILOSOPHICAL STORIES OF I. V. KIREEVSKII AND E. A. BARATYNSKII:
ELEMENTS OF FICTION AND LANDSCAPE FIGURATIVENESS**

Zamyatina Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
evz_t@mail.ru

The article considers landscape topos as a significant element of the philosophical fiction story poetics of 1830, representing the author's conception of world duality. The author analyzes the semantics of the park image in the fairy tale-allegory "Opal" by I. V. Kireevskii, combining the real world with the world of the truth, and the garden in the story "The Ring" by E. A. Baratynskii, which is the representation of the material transforming to the spiritual one.

Key words and phrases: topos of garden; artistic space; fantastic story; world duality; symbolism.

УДК 82-1/192

Филологические науки

Статья представляет собой интертекстуальный анализ нескольких песен и лирических стихотворений В. С. Высоцкого. Основным объектом исследования является интертекст легенды о докторе Фаусте в лирике В. С. Высоцкого. Используемые источники легенды: народная книга о Фаусте, «Фауст» К. Марло, «Фауст» И. Ф. Гете. Сходство с прототекстами выявляется в мотивах покаяния, страха и богоборчества в поздней лирике, изображении нечистой силы в «Песенке про черта», а также в сюжете песни «Горизонт».

Ключевые слова и фразы: Владимир Высоцкий; Фауст; интертекст у Высоцкого; интертекстуальный анализ; «чужое слово».

Калугина Любовь Владимировна

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
tyrda@list.ru

**ИНТЕРТЕКСТ ЛЕГЕНДЫ О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ В ФОЛЬКЛОРНОЙ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ В ЛИРИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО[©]**

Последняя четверть XX в. в сфере гуманитарных наук характеризуется тенденцией к их синтезу. Теория диалога М. М. Бахтина, концепция культуры по Ю. М. Лотману, теория интертекстуальности и, наконец, учение о дискурсе М. Фуко сформировали представление о культуре как о едином информационном поле, пронизанном каналами связи [1; 6; 8; 11]. Минимальные значимые единицы уже несут на себе отпечаток контекстов, в которых они употреблялись, каждый новый текст содержит огромное количество повторений текстов предыдущих и неизбежно будет повторен. Употребление того или иного элемента уже существующего текста в новом контексте, соседство разнородных заимствованных элементов несут серьезную смысловую нагрузку, а огромное количество смыслов, вскрывающихся при выявлении межтекстовой связи, представляет неограниченные возможности интерпретации. Изучение феномена текста в тексте и иного рода межтекстовых связей по сей день остается одной из актуальнейших проблем литературоведения.